

© 2018 г.

Н.А. ЖЕРЛИЦЫНА

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ОТНОШЕНИЯХ СССР СО СТРАНАМИ МАГРИБА В 1950–1980-х годах

Жерлицына Наталья Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН; доцент кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов (Москва, Россия).

В середине XX в. естественным следствием конфронтации Восток — Запад было стремление Советского Союза упрочить свои геополитические позиции в Азии и Африке. Конец 1950–1960-е годы являлись временем, когда СССР находился на пике развития промышленного и военного потенциала, его влияние и авторитет, особенно в «третьем мире», были очень высоки. СССР пытался изменить соотношение сил в мире в пользу социалистического выбора — «единственно правильного пути» — и проводил политику поддержки национально-освободительных движений, имеющих антиимпериалистический потенциал. «У нас существуют хорошие, основанные на взаимном доверии и уважении отношения с молодыми национальными государствами. Степень и конкретные формы этих дружественных отношений зависят от общего направления политики того или иного из этих государств. Наиболее тесные связи, наиболее близкие отношения установились у нас со странами, взявшими в своем развитии курс на социализм», — писал генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев¹. Две модели — капиталистическая и марксистско-социалистическая — служили генеральными ориентирами для молодых освободившихся государств. Если первая модель была понятной, но вызывавшей отторжение из-за недавнего колониального прошлого, то привлекательность второй основывалась на возможности за кратчайший исторический срок вырваться из состояния отсталости, осуществить индустриализацию, оставаясь в рамках жесткой командно-административной системы.

Последовательная поддержка властями СССР принципа самоопределения и независимости народов, оказание помощи колонизованным странам в деле получения независимости в 1950–1960-х годах является исторической заслугой Советского Союза. Провозглашение независимости Туниса и Марокко в 1956 г. с удовлетворением было встречено в СССР, началось развитие двусторонних контактов по всем направлениям. Успешно развиваясь в экономической, торговой, культурной сферах, советско-магрибское сотрудничество все же лимитировалось идейными позициями руководства СССР и властями Туниса и Марокко, придерживавшимися различных социальных идеологий. В СССР считали, что Тунисская Республика и Королевство Марокко принадлежат к так называемому западному лагерю. Тунис и Марокко получили в советской идеологической печати репутацию «реакционных» стран. В отличие от своих соседей Алжир, которому независимость досталась гораздо более высокой ценой и лишь спустя шесть лет, в 1962 г., избрал некапиталистический путь развития и социалистическую ориентацию. В СССР стали смотреть на Алжирскую Народную Демократическую Республику (АНДР) как на соратника в борьбе за общее дело. Алжир, как и другие «прогрессивные» страны, т.е. выбравшие путь социалистической ориентации, мог рассчитывать не только на крупные объемы советской помощи, но и на повышенное внимание советских средств массовой информации.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, с. 125.

Экономическое сотрудничество СССР с освободившимися странами рассматривалось советскими идеологами как важная часть поддержки национально-освободительной борьбы народов, в которой начался новый этап, имеющий основной целью достижение экономической независимости, избавление от засилья иностранного капитала. «Мы искренне хотим помочь освободившимся странам стать на ноги, добиться экономического освобождения, создать сильный государственный сектор — надежный рычаг в борьбе против засилья иностранных монополий», — так сформулировал позицию СССР первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев в интервью 1964 г.² Подчеркивалось, что свою помощь Советский Союз основывает на принципах уважения суверенитета этих стран, полного равноправия сторон, не оговаривая ее какими-либо политическими или военными условиями. В 1964 г. общая сумма советских кредитов и других ассигнований на нужды экономического развития освободившихся стран Азии, Африки и Латинской Америки достигла почти 3 млрд рублей, там возводилось с помощью СССР более 500 промышленных объектов³.

В Советском Союзе главной причиной тяжелого экономического положения и медленного прогресса Марокко и Туниса в первые десятилетия независимости считали приверженность западному пути развития: «Причина в том, что независимое Марокко пошло по пути капитализма»⁴. Кризис марокканского сельского хозяйства также приписывали сохранению «земледельческого капитализма»: «правительственные проекты земельной реформы призваны лишь приостановить революционное движение деревенской бедноты»⁵. Поддержку и сочувствие в советской печати вызывали усилия марокканцев по искоренению остатков французского колониализма — эвакуация французских военных баз и авиационных школ, закрытие иностранных банков и фирм. Так, ликвидация международного статуса Танжера, который в период французского протектората был центром контрабанды, пиратства и преступности, получила положительную оценку в Москве. Как шаги в правильном направлении к экономической независимости расценивались меры марокканских властей по созданию национальной тяжелой промышленности, борьбе с неграмотностью, строительству школ и воспитанию национальных кадров. Тунисская Республика также подвергалась критике, когда речь заходила о «преимущественной ориентации Туниса на Запад»⁶. Так, когда в апреле 1976 г. Тунис подписал с ЕЭС бессрочное соглашение, предусматривавшее широкое сотрудничество, в советских публикациях появилось немало нареканий в адрес политики ЕЭС по отношению к Тунису, остававшемуся для Европы «неравноправным партнером», к которому небескорыстный «Общий рынок» то и дело применял дискриминационные меры, особенно если речь шла о главном товаре тунисского экспорта — оливковом масле⁷.

Именно желанием избавиться от экономической опеки бывшей метрополии и добиться экономической независимости объясняли в СССР выбор АНДР некапиталистического пути развития. В рамках капитализма Алжир, как и вообще молодые освободившиеся страны, не смог бы преодолеть своей экономической отсталости — утверждали в Советском Союзе. Капитализму в слаборазвитой стране неизбежно присущи низкий уровень национального дохода и накопления капитала, утечка большей части прибылей, ориентация местного капитала на спекулятивные сферы деятельности. «Для того чтобы развитие Алжира было быстрым, гармоничным и направленным на удовлетворение первостепенных экономических потребностей народа, — говорилось

² Правдивцев А. Цель — экономическая независимость. — *Азия и Африка сегодня*, 1964, № 3, с. 4.

³ Там же.

⁴ Шаббаев Б. 1 Мая в Касабланке. — *Азия и Африка сегодня*, 1968, № 5, с. 22.

⁵ Михайленко И. У марокканских феллахов. — *Азия и Африка сегодня*, 1966, № 7, с. 15.

⁶ Павлов М. Тунис: успехи и заботы. — *Азия и Африка сегодня*, 1979, № 11, с. 25.

⁷ Павлов М. Тунис — ЕЭС: партнерство с изъятиями. — *Азия и Африка сегодня*, 1981, № 12, с. 55.

в программе правящей партии Фронт национального освобождения (ФНО), — оно должно рассматриваться в социалистической перспективе, в рамках обобществления основных средств производства и рационального планирования»⁸.

В СССР приветствовали создание госсектора и самоуправляемого сектора в Алжире как предпосылку для последующего перехода к построению социалистического общества. Советские экономисты настаивали на необходимости этих институтов: считалось, что концентрация значительной части средств производства в руках государства необходима для эффективного противодействия наступлению иностранных монополий и рационального использования национальных природных богатств, для обуздания узкоклассовых, корыстных устремлений национальной буржуазии. Советский Союз предлагал алжирским товарищам воспользоваться опытом индустриализации в СССР, наша страна была пионером использования планирования для индустриальной перестройки экономики.

Опыт промышленного развития СССР привлекал вновь освободившиеся страны возможностью в короткий срок совершить рывок от отсталой аграрной к современной промышленной экономике. Руководство АНДР, опираясь на советскую практику, ключевым звеном скорейшей индустриализации выбрало развитие блока отраслей тяжелой обрабатывающей промышленности, прежде всего машиностроения, металлургии, химической промышленности. Как и в СССР, упор был сделан на строительство гигантов-предприятий, благо доходы от экспорта нефти и газа позволяли властям в 1960–1970-х годах финансировать эти проекты. Алжирский вариант форсированного промышленного развития носил противоречивый характер, ему были присущи все пороки директивной экономики, приведшие в результате к сбоям и застою в развитии.

Алжирская революционно-демократическая диктатура сочетала «самоуправленческий социализм» с панарабизмом и исламом. В СССР не закрывали глаза на особенности алжирского социализма, его отличие от канонической модели. Советский Союз делал ставку на постепенное «подтягивание арабских революционных националистов к социалистическим ценностям, как они понимались советскими идеологами»⁹. Так, сохранение частного сектора, частных компаний в экономике Алжира объяснялось нехваткой капиталов у государства, недостатком национальных технических кадров и рассматривалось как явление временное, переходное. Действительно, госсектор Алжира существенно расширился в 1970-х годах. Широкая волна национализации в 1966–1968 гг. способствовала переводу большей части промышленных предприятий и финансовых учреждений в госсектор. В 1971 г. Алжир выиграл «битву за нефть», которую вел с иностранными компаниями, стал хозяином всей газовой и почти всей нефтяной промышленности. «Мы выиграли все битвы за национализацию и возвращение всех богатств и ресурсов нашей страны», — с гордостью заявил председатель Революционного совета Алжира Х. Бумедьен в речи по случаю 20-летия алжирской революции¹⁰. К 1974 г. на долю госсектора приходилось почти девять десятых валового национального продукта.

Авторитет СССР и популярность социалистического выбора среди освободившихся государств в 1960-х годах были столь высоки, что необходимость присоединиться к «социалистической моде» почувствовал и убежденный западник, первый президент независимого Туниса Х. Бургиба, хотя «социализм не был исходной частью его проекта»¹¹. В речи 1963 г. Бургиба конкретизировал свое понимание социализма как стремление «приблизиться к социальной справедливости, которая является нашим общим

⁸ Потемкин Ю. Новые горизонты Алжира. — Азия и Африка сегодня, 1963, № 12, с. 5.

⁹ Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2012, с. 17.

¹⁰ El Moudjahid, Algerie, 1.XI.1974.

¹¹ Richards A., Waterbury J. A Political Economy of the Middle East. State, Class and Economic Development. San Francisco — Oxford, 1990, p. 305.

идеалом»¹². В 1962 г. в Тунисе начался недолгий социалистический эксперимент, вызвавший сначала прилив энтузиазма и поддержки со стороны официальных властей СССР и советской прессы. Одной из причин обращения Туниса к этой модели развития стала неудовлетворенность темпами экономического развития в 1950-х годах, необходимо было совершить рывок в социальном развитии страны, испытывающей последствия колониальной эпохи, ликвидировать отсталость и нищету. На 7-м съезде правящей партии Новый Дустур в октябре 1964 г. Бургиба озвучил свое понимание социализма, имевшего много общего с воззрениями европейских социал-демократов. Социализм, в его понимании, включал в себя практику государственного регулирования экономики на основе среднесрочного и долгосрочного планирования и различные формы развития кооперативного движения. «Дустуровский социализм» признавал принцип неприкосновенности частной собственности, отводя частному капиталу выполнение некоторых общественных функций. Сами тунисцы так определяли особенность своего социалистического пути: «С точки зрения научного социализма государство обязано взять в руки все средства производства, в то время как, на наш взгляд, оно должно лишь руководить и контролировать»¹³. Наибольшие проблемы социалистический эксперимент принес тунисскому сельскому хозяйству, главные идеологи и руководители реформ подвергались критике как справа, так и слева и, в конце концов, эксперимент был свернут как неудачный. Но по прошествии некоторого времени в Тунисе стали признавать, что именно в 1962–1969, в годы осуществления трехлетнего и четырехлетнего планов «дустуровского социализма», Тунис совершил рывок в преодолении экономической отсталости, успел заложить основы многоотраслевого промышленного комплекса и в значительной мере насытить внутренний рынок массовой продукцией собственного производства.

Советская пресса благожелательно освещала происходящие в тунисской экономике перемены, избегая, однако, использовать термин «социализм». Ведь его тунисская разновидность довольно сильно отличалась от канонической марксистско-ленинской формы. Отношение к немарксистским «социалистическим теориям» у советских идеологов было отрицательным, их считали «ничем иным, как приукрашенной оболочкой капиталистического развития», близкими буржуазным реформистским течениям¹⁴. Но такие реформы, как национализация земель колонистов, планирование в экономике, индустриализация, кооперирование сельского хозяйства, государственная монополия в важнейших отраслях экономики, рассматривались в СССР как «крупный шаг в деле развития страны и укрепления ее независимости»¹⁵. В целом в Советском Союзе адекватно оценивали «социалистические перспективы» Туниса: «путь, который Нео-Дестур избрал для развития тунисской экономики, не создает угрозы частному капиталу. Его хотят лишь побудить служить целям, поставленным в экономическом плане»¹⁶.

Гораздо больше влияния, чем социалистическая риторика тунисских деятелей, на формирование отношения СССР к Тунису оказал запрет Тунисской коммунистической партии в 1963 г., оцененный в советской партийной прессе как «акт произвола, репрессий и авторитаризма»¹⁷. Эта мера последовала после того, как власти Туниса объявили о раскрытии заговора, якобы направленного против главы государства. Хотя коммунисты решительно отвергали свое участие в этой попытке государственного переворота, тунисское правительство воспользовалось случаем, чтобы объявить

¹² Hanna S., Gardner G.H. Arab Socialism. A Documentary Survey. Leiden, 1969, p. 317.

¹³ L'Action, Tunisie, 19.I.1967.

¹⁴ Гура В.К. Особенности социально-экономического развития Туниса и Марокко в 1950–70-е годы. М., 1982, с. 15.

¹⁵ Корнева О. Национализация земель колонистов в Тунисе. — Мировая экономика и международные отношения, 1964, № 12, с. 99.

¹⁶ Бочаров Ю. Тунис наших дней. — Новое время, 1962, № 11, с. 28.

¹⁷ Монжи. Преодолевая трудности. — Проблемы мира и социализма, 1964, № 2, с. 54.

эту «слабую, но единственно организованную оппозицию»¹⁸ вне закона, поскольку она находилась в решительной фронде к режиму и постоянно прибегала, согласно собственной терминологии, к «конструктивной критике». Некоторые руководители компартии были арестованы, активисты подвергались преследованиям. Советский Союз выразил решительный протест против действий тунисских властей, в январе 1963 г. было опубликовано специальное заявление ЦК КПСС. Именно с этого времени в Москве стали говорить об «антикоммунистической направленности» режима Бургибы. В глазах Москвы ситуацию усугубило обращение тунисского правительства за финансовой помощью к ведущим западным державам, про которое журнал «Проблемы мира и социализма» писал, что «Тунис широко открыл двери перед американским, западногерманским и другим империалистическим капиталом»¹⁹.

Опыт Советского Союза по быстрому проведению индустриализации и искоренению нищеты привлекал и самую консервативную страну Магриба — Королевство Марокко. Она первой из магрибинских стран прибегла к планированию: план на 1958—1959 гг. рассматривался в качестве переходного периода от колониальной экономики к национальной. Он предусматривал, в частности, создание национальной тяжелой промышленности, проект, от которого впоследствии пришлось отказаться. Практика показала, что возможности национальной экономики и внутреннего рынка достаточно ограничены и не обеспечивают уровень спроса, требуемого для создания тяжелой промышленности. В последующих планах — на 1965—1967, 1968—1972, 1973—1977, 1978—1980, 1981—1985 гг. — в качестве основной задачи была выдвинута необходимость развития экспортных промышленных отраслей (горнодобывающей, химической и легкой). Не посягая на основы частной собственности, марокканские власти провели ряд мероприятий, направленных на усиление роли государства в экономике: в ряде отраслей были созданы государственные учреждения, например Национальный банк экономического развития, Национальная касса сельскохозяйственного кредита.

Характерная для советской идеологической печати антитеза — «король в Марокко обладает неограниченной властью, а права трудящихся урезаны»²⁰ — встречается в публикациях только начального этапа взаимоотношений двух стран, уже в середине 1960-х годов возобладал уважительно-нейтральный тон при упоминании монархического строя этой арабской страны. Пусть не сразу, но в Москве оценили, что внешние связи Марокко король Хасан II стремился диверсифицировать, в его внешней политике явно просматривался решительный отказ от односторонней ориентации на кого бы то ни было. Сами марокканцы считали, что «Мухаммед V в вопросах международной политики и в отношении к странам социалистического лагеря был левее наших левых партий. Его величество Хасан II продолжает политику отца: неучастие в блоках и нейтрализм»²¹. Изменение тона советской прессы коснулось и такого чувствительного вопроса, как трактовка исторической роли монархии в борьбе за независимость Марокко, а именно личности султана Мухаммеда бен Юсуфа — короля Мухаммеда V. Если в статьях начала 1960-х годов, следуя классическим марксистско-ленинским постулатам, утверждалось, что «в освобождении страны от иноземного ига основную роль сыграли не король и не феодальная знать, а крестьяне, батраки, мелкие ремесленники и прежде всего рабочие»²², то в последующих работах заслуги Мухаммеда V уже не замалчивались. Признавали советские журналисты и факт большой популярности монархов среди населения страны. С началом перестройки в СССР в 1985 г. гласность сняла с журналистов жесткие идеологические ограничения и позволила более свободно и трезво оценить потенциальных политических партнеров, признать очевидные факты: «Консервативен курс Рабата, прочны тут торговые и культурные позиции

¹⁸ Видясова М. Ф. Джихад без войны, кн. 2, т. 1. М., 2007, с. 388.

¹⁹ Монжи. Указ. соч., с. 55.

²⁰ Катин В. К. Марокко сегодня. — Азия и Африка сегодня, 1961, № 5, с. 29.

²¹ Назибин Ю. Марокканские новеллы. — Новое время, 1961, № 27, с. 25.

²² Катин В. К. Указ. соч., с. 28.

крупнейших капиталистических держав. Не только географически, но и политически Марокко близко к западному миру»²³.

Если отношение СССР к странам Магриба, избравшим западную ориентацию, было в целом нейтрально-уважительным и умеренно дружественным, то оценки политических и экономических процессов в социалистически ориентированном Алжире существенно изменяются с течением времени. На смену энтузиазму первого десятилетия независимости пришло осознание глубины проблем, приходилось объяснять причины пробуксовки социалистической модели. Алжирская «тройственная революция» — индустриальная, аграрная и культурная — не сгладила общественные противоречия, а в отдельных случаях и усилила их. Индустриализация, на которую возлагались большие надежды, оказалась неспособной решить проблему огромной безработицы — до 40% населения, и более того повлекла углубление народнохозяйственных диспропорций. Нерентабельность многих государственных предприятий объяснялась отчасти и самим характером форсированной индустриализации. Половина всех инвестиций направлялась на развитие индустрии, лишь 15% на нужды сельского хозяйства, хотя в нем было занято до 80% населения страны. Аграрная реформа привела к снижению производства: урожаи на землях, на которых применялось самоуправление, сократились и упали. Алжир вынужден был из года в год увеличивать импорт продовольственных товаров, в первой половине 1970-х годов стоимость импорта потребительских товаров, почти на три четверти состоявших из продовольствия, увеличилась в пять раз²⁴.

В Советском Союзе не могли не признавать: снижение жизненного уровня населения Алжира компрометировало саму идею социалистической ориентации²⁵. Советская критика затрагивала и правительство АНДР, и партийное руководство ФНО: частые смены руководства страны ослабляли его единство, а непоследовательность в осуществлении избранного курса вела к тому, что многие провозглашенные задачи оставались нереализованными и тем самым дискредитировали идеи социализма. С советской точки зрения, у партии ФНО отсутствовала четкая идеологическая программа, что неудивительно, учитывая ее социальный состав: большинство составляли крестьяне, а не «передовой класс» пролетариат, который просто не успел сформироваться в достаточной мере в этой аграрной стране. Не всегда ее руководство занимало четкие прогрессивные позиции, особенно по отношению к алжирским коммунистам. Журнал «Азия и Африка сегодня» в 1960—1961 гг. неоднократно предоставлял слово первому секретарю Алжирской коммунистической партии Ларби Бухали, утверждавшему, что «в руководстве ФНО победу одержали антикоммунистически настроенные лидеры»²⁶.

Специфическое алжирское понятие социализма подразумевало активное привлечение ислама для санкционирования социально-экономических преобразований. Апеллируя к народным массам, власти АНДР обращались к религиозным нормам для разъяснения своего политического курса. В соответствии со взглядами алжирских лидеров, идеология социализма не противоречила исламским догмам, мусульманская религия рассматривалась чуть ли ни как источник социалистического учения. Ислам, тесно связанный с эгалитаристскими представлениями о социальной справедливости, в Алжире в ходе антиколониальной борьбы интегрировался в национализм. В 1970-х годах религия использовалась для сплочения общества и мобилизации верующих на строительство новой жизни. Лидеры страны обязательно подчеркивали соответствие проводимых реформ нормам ислама. Так, при проведении аграрной реформы президент Х. Бумедьен подчеркивал, что «нет ни одного религиозного

²³ *Игнатов А.* У Геркулесовых столпов. — Советская Россия, 4.XII.1988.

²⁴ *Потемкин Ю.* Алжир на пути прогресса. — Азия и Африка сегодня, 1976, № 10, с. 15.

²⁵ *Ланда Р. Г.* Новая экономическая политика Алжира. — Народы Азии и Африки, 1970, № 1, с. 16.

²⁶ *Бухали Л.* Алжир сегодня. — Азия и Африка сегодня, 1961, № 11, с. 16.

положения, препятствующего проведению аграрной революции. Наоборот, в исламе есть положение, которое ясно говорит: “Люди совместно владеют огнем, т.е. энергией, пастбищами, т.е. землей, и водой”²⁷. Вот как описывают корреспонденты советского журнала отношение алжирца, владельца небольшой автомастерской, к «аль-иштирак-ии» (социализму): «Я за социализм, потому что его идеи заложены в самом Коране. Но я против того, чтобы социализацию имущества доводить до абсурда. Пусть государство имеет свои предприятия, а мы, частные владельцы, — свои»²⁸.

Весьма объективно освещалось в советской публицистике и положение ислама в Марокко. Все авторы согласны в том, что «Марокко — религиозная страна... Не в каждой деревне увидишь школу, но мечеть — обязательно»²⁹. На рубеже 1950—1960-х годов, когда светская форма национализма в арабском мире торжествовала, даже в тех странах, где не проводились целенаправленные секуляристские реформы, например в Марокко, светскость входила в политико-правовую практику и в сферу быта. Тогда казалось, что вектор развития арабского мира направлен на углубление секуляризации и что постепенно религия отойдет на второй план общественной жизни. Однако уже в 1970—1980-х годах, когда стали очевидны трудности в осуществлении модернизации региона, возникло разочарование в светской модели развития и на первый план стала выходить религиозная составляющая массового сознания. В советском журнале так описывается эта тенденция: «Видя размывание древних укладов, многие марокканцы, в том числе и часть интеллигенции, болезненно воспринимают отход от “заветов предков”, стараются пропагандировать верность старине. В некоторых случаях проповедь “восстановления традиций” принимает крайние формы религиозного фанатизма»³⁰. Корни исламского фундаментализма в нерешенных социальных проблемах стран Магриба: «Лишь в исламе многие из неимущих видят единственный шанс реализовать тоску по несбывшимся надеждам»³¹.

Труднопреодолимым препятствием на пути к установлению взаимопонимания между народами Советского Союза и Магриба был атеизм коммунистической доктрины, порождавший неприятие мусульманского общества. Вопросы религии, советского атеизма и положения мусульман в атеистической стране разделяли наши общества и служили камнем преткновения вплоть до распада СССР. Так, депутат Национального собрания Туниса А. Ризкаллах, посетив СССР, в том числе и республики Средней Азии, в 1963 г., опубликовал в тунисской газете «Аль-Амаль» весьма резкий очерк, посвященный «русскому колониализму» в мусульманских регионах. Только силой, писал автор, подавлением и угнетением удалось большевикам сохранить под своим влиянием исламские районы. «С самого начала коммунистической революции советская власть вела борьбу с исламом, запретив печатание Корана, и деятельность, предусматриваемую Кораном и Сунной, заменив шариат законом... Мусульманские районы находились в изоляции от остального мусульманского мира»³².

Наиболее непримиримую позицию в отношении атеистической идеологии занимало мусульманское духовенство. Во время поездки в Тунис в 1963 г. председатель Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтий З. Бабаханов дискутировал со своим тунисским коллегой, инспектором по духовному образованию К. Аттарзи, назвавшим коммунизм «опасной идеей»: «Христианство, как бы не распространялось, является религией, христиане тоже верят в бога. А вот коммунизм ничему не верит и распространяется более быстрым темпом, чем какая-либо религия.

²⁷ El Moudjahid, 19.VII.1972.

²⁸ Ли В., Шваков А. 2000 километров по Алжиру. — Азия и Африка сегодня, 1966, № 1, с. 20.

²⁹ Катин В. К. Марокко сегодня и завтра. — Азия и Африка сегодня, 1969, № 3, с. 38.

³⁰ Чугров С. Ночь в Бени-Меллале. — Азия и Африка сегодня, 1984, № 12, с. 24.

³¹ Игнатов А. Указ. соч.

³² Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ), ф. 563, оп. 7, п. 7, пор. 5, л. 40—44.

Самое главное, что мы должны делать, — это стараться предотвратить распространение коммунизма, в особенности в исламские страны»³³.

Таким образом, СССР вступил в соревнование двух общественных систем в 1960-х годах за влияние на бывшие колониальные страны, получавшие независимость в этот период, находясь на пике своего экономического, политического и идеологического влияния. Это самым непосредственным образом отразилось на том общественном выборе, который делали молодые независимые государства. Ряд стран, такие как АНДР, избравшая социалистическую ориентацию, вместе с положительным опытом экономического развития заимствовали у СССР и пороки директивной экономики, приведшие в результате к сбоям и застою в развитии. Эту ситуацию точно характеризуют слова алжирского политика, посвященные первому президенту страны Бен Белле: «Он заимствовал у русской революции только ее ошибки, осужденные и исправленные самими советскими людьми»³⁴. Но и страны, избравшие традиционный капиталистический уклад, не избежали обаяния социалистической модели, привлекавшей их идеями социальной справедливости и возможностью быстрого построения сильной экономики. Тунисская Республика и Королевство Марокко заимствовали некоторые элементы социалистического хозяйствования: планирование, усиление роли государства в экономике, кооперация в сельском хозяйстве. В такой важной сфере общественного сознания, как религия, ставка Советского Союза на постепенное углубление секуляризации в мире не оправдалась, уже в 1970–1980-х годах начался рост исламского фундаментализма. Если в 1950–1960-х годах политика Советского Союза соответствовала общему направлению политического процесса, то в конце 1970–начале 1980-х она вошла в противоречие с ним. Продолжая упорствовать в верности коммунистическим догматам вопреки очевидной неэффективности этой социально-экономической модели, Советский Союз терял союзников и влияние.

³³ Там же, л. 19–31.

³⁴ *Богучарский Е.М.* СССР и Алжир. 60–70 годы XX века. — Новая и новейшая история, 2008, № 3, с. 53.